А. И. ШАЙДУЛЛИН

СУБОРДИНАЦИЯ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА И АФФИЛИРОВАННЫХ С НИМ ЛИЦ

СТАТУТ
МОСКВА 2026

УДК 347.72
ББК 67.404
Ш17

Рецензенты:
Егоров А.В. — к.ю.н., профессор НИУ «Высшая школа экономики», гл. редактор журнала «Цивилистика», науч. руководитель Клуба цивилистов, руководитель образовательных программ школы для юристов «Лекториум»;
Зайцев О.Р. — к.ю.н., доцент Российской школы частного права (ИЦЧП имени С.С. Алексеева при Президенте РФ), председатель Банкротного Клуба

Шайдуллин, Айнур Ильшатович.
Ш17 Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц / А. И. Шайдуллин. — Москва : Статут, 2026. — 362 с.

ISBN 978-5-8354-2216-6 (в пер.)

В этой книге автор пытается найти ответы на ряд фундаментальных вопросов корпоративного и банкротного права: может ли участник (акционер) свободно вступать в обязательственные отношения с подконтрольным ему обществом? до каких пределов фикция юридического лица позволяет говорить о самостоятельности интереса и воли общества, отличных от интересов и воли его участников (акционеров)? что происходит, если участник финансирует собственное общество преимущественно посредством гражданско-правовых сделок, действуя формально так же, как это делал бы внешний кредитор? является ли такое финансирование обычным проявлением свободы договора или оно создает особые риски для кредиторов и гражданского оборота? Именно на пересечении этих вопросов возникает проблема субординации, т.е. определения того, когда участник (акционер) вправе требовать возврата предоставленного им финансирования наравне с независимыми кредиторами, а когда связанный с таким финансированием риск должен оставаться на нем самом.

На материале российской и зарубежной литературы и судебной практики автор рассматривает различные ответы на эти вопросы и предлагает подход, позволяющий справедливо распределить предпринимательский риск собственника бизнеса и риски его кредиторов.

Нормативные правовые акты приведены по состоянию на 10.09.2026.

УДК 347.72
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-2216-6

© Шайдуллин А.И., 2026
© Егоров А.В., рецензия, 2026
© Горбашев И.В., предисловие, 2026
© Мадаус Ш., отзыв, 2026
© Зайцев О.Р., предисловие, 2026
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2026

Рецензия А.В. Егорова[1] на книгу

Субординация требований контролирующих должника лиц относится к новейшим институтам банкротного права России, развитым исключительно усилиями судебной практики. Она начиналась с полного отрицания субординации как таковой (дело Красильникова[2], рассмотренное ВС РФ в 2015 г.), проходила через попытки создать концепцию притворной сделки, то есть через переквалификацию корпоративного займа во вклад в имущество юридического лица (дело Свиридова — Юркова[3], рассмотренное ВС РФ в 2017 г.), и пришла к довольно законченной и выверенной с точки зрения зарубежного опыта концепции, изложенной в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) (далее — Обзор) и затем в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» (далее — Постановление № 41).

Однако в данном счастливом случае столь быстрое и успешное развитие этого правового института, известного зарубежным правопорядкам, происходило с опорой на доктринальные исследования, среди которых в числе первых следует назвать многочисленные публикации А.И. Шайдуллина, восходящие к его магистерской диссертации на одноименную тему, защищенную в Российской школе частного права в 2018 г. Ссылки на эти публикации читатель может найти в тексте работы, и по этой причине нет смысла приводить их здесь.

С этой точки зрения развитие института субординации обязательственных требований контролирующих должника лиц при его банкротстве можно считать образцово-показательным. Любому новому институту хотелось бы пожелать такой судьбы.

---

[1] Андрей Владимирович Егоров, к.ю.н., профессор НИУ «Высшая школа экономики», гл. редактор журнала «Цивилистика», науч. руководитель Клуба цивилистов, руководитель образовательных программ школы для юристов «Лекториум».

[2] Определение Судебной коллегии по экономическм спорам (далее — СКЭС) ВС РФ от 06.08.2015 № 302-ЭС15-3973 по делу № А33-16866/2013.

[3] Определение СКЭС ВС РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556(1) по делу № А32-19056/2014.

Разумеется, на издании Обзора в 2020 г. дело не закончилось. Наоборот, все только по-настоящему началось. И важнейшим фактором для того, чтобы новые идеи ВС РФ «пошли в народ», является их понимание нижестоящими судами. В данном случае большой заслугой ВС РФ является постоянное обращение к теме субординации при рассмотрении конкретных дел, а также внимание к этой проблематике в доктрине. Одной из важнейших работ, выполняющих данную задачу, стал комментарий к Обзору[1], написанный А.И. Шайдуллиным в соавторстве со своим бессменным научным руководителем (еще со времен РШЧП) — Р.Т. Мифтахутдиновым.

Не секрет, что не все правопорядки разделяют идеологию субординации, поскольку само по себе наличие такого института снижает стимулы для бенефициара бизнеса спасать свою компанию в кризисной ситуации через предоставление ей финансовой помощи, оформленной в виде займов.

С этой точки зрения мы имеем дело, конечно, с диалектикой в чистом виде. Если ты собственник бизнеса и не спасаешь компанию, тебе ничего не будет. Но если ты пытаешься ее спасти, будь добр делать это таким образом, чтобы не уравнивать собственные шансы с независимыми (внешними) кредиторами. А это выглядит несколько парадоксальным, когда ты ничего не делаешь и тебя не наказывают, а когда делаешь что-то, то могут наказать. И только диалектика, кажется, способна объяснить, почему так происходит.

Недаром именно в германской практике (как не вспомнить тут Г.В.Ф. Гегеля) в 30-х годах прошлого века родился институт субординации, что прекрасно демонстрирует А.И. Шайдуллин в своих исследованиях.

Тем не менее выбор российской правовой системой сделан, этот выбор в пользу субординации. Мы присоединились к правовой традиции Германии, Австрии и иных стран. Следовательно, предстоит большая работа по наладке данной концепции и «доведению ее до ума».

---

[1] *Шайдуллин А.И.*, *Мифтахутдинов Р.Т.* Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве: научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2020. № 9. Специальный выпуск. С. 3–136. URL: https://bankruptcyclub.ru/2020/10/22/to-the-bulletin-of-economic-justice-of-the-russian-federation/ (дата обращения: 10.09.2026).

Это как большая производственная линия. Конструктор ее запустил в работу и дальше совершенствует разные недочеты конструкции, которые проявляются по мере ее загрузки.

Очень важно, что А.И. Шайдуллин не бросает свое детище и продолжает исследовать идеи, заложенные с его подачи в Обзор и Постановление № 41, развивать их и настраивать на новые казусы, которые предлагает жизнь. Именно этому посвящена данная книга. В этом ее важнейшая задача — «докручивать» модель до такой степени, чтобы она представлялась правоприменителям максимально справедливой.

И работы предстоит, конечно, много. В частности, не является очевидным понятие контролирующего лица, ведь под него, по правилам ст. 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», попадает не только собственник бизнеса (контролирующий участник), но и директор (управленец). Такое решение выглядит оправданным для целей субсидиарной ответственности (директору действительно гораздо проще причинить вред кредиторам юридического лица по сравнению с прочими сотрудниками компании), но в отношении субординации могут возникать вопросы. Когда директор пытается спасти компанию, попавшую в кризис, предоставляя ей финансирование, не очень понятно, за что его нужно наказывать, понижая в очередности его требование, ведь оно не несет никакой корпоративной нагрузки. Достаточно ли для этого только того, что директор более осведомлен о внутренних проблемах компании, чем ее внешние кредиторы? Думается, не факт. Тем более что если брать именно этот критерий осведомленности, то по нему нужно будет субординировать многие банки, поскольку в их практику входит тотальный контроль за операционной деятельностью заемщиков (пожалуй, этот контроль может быть плотнее, чем аналогичный контроль со стороны директора).

То же самое касается и миноритарных участников. Следует согласиться с А.И. Шайдуллиным в том, что 10 %-й порог участия для признания контролирующим должника лицом оказывается слишком низким и надо стремиться к повышению этого порога до 25 %, как это сделано в Австрии на законодательном уровне.

Даже сама по себе модель субординации в России вызывает вопросы. Из работ А.И. Шайдуллина можно узнать, что в мире есть две модели: мягкая и жесткая. Мягкая модель предполагает исследование недобросовестности контролирующего лица при предоставлении каждого конкретного финансирования (и она достаточно сложна, так как приводит к противоречиям в оценке похожих обстоятельств разными

судами, в чем и есть ее основной недостаток). Жесткая модель настроена на субординацию обязательственных требований участников во всех случаях без исключения (если этот участник крупный).

Какая модель в России? В Обзоре очевидно были представлены обе модели: и мягкая (п. 3 и след.), и жесткая (п. 9), на что обращалось внимание в публикациях[1]. Не так сильно, думается, изменились акценты и в недавнем Постановлении № 41. Тем не менее А.И. Шайдуллин последовательно высказывается в пользу жесткой модели субординации, и при его активной поддержке данная точка зрения действительно может вскоре возобладать. Главное при этом — обеспечить предсказуемость правового регулирования и отсутствие у него обратной силы (как не должно быть обратной силы у правовой позиции, высказанной ВС РФ в п. 9 Обзора[2]).

Не хотелось бы пересказывать все идеи А.И. Шайдуллина и тем более вступать с ним в полемику, но нельзя не отметить, что в его работе убедительно доказано, почему не должна происходить субординация в делах о банкротстве физических лиц. Несмотря на то, что бытовое чувство справедливости периодически может к ней взывать. И тут важна идея А.И. Шайдуллина о том, что, конечно, нельзя забывать про неподлинную субординацию в таких делах, если будут предложены веские доказательства в пользу того, что руками своего родственника (родителей, супруга, брата, сестры и т.п.) должник предоставил заем самому себе. Видимо, в таких случаях не должно быть субординации, но нужно отрицать возможность установления в деле о банкротстве такого требования в принципе.

Таким образом, можно констатировать, что прилагаемая работа вызывает чувство глубокого удовлетворения, подготовлена на высоком исследовательском уровне и сочетает в себе достойное похвалы погружение в теорию субординации вкупе с широким охватом судебной практики, складывающейся по данному вопросу. Иными словами, это подлинное научное исследование, которое украсит отечественную доктрину банкротного права и поможет практикам в решении непростых жизненных ситуаций.

---

[1] *Егоров А.В.* «Тотальная» субординация не может иметь обратной силы // Сборник статей к 20-летию действующего закона о банкротстве и 30-летию первого российского закона о банкротстве. М.: Национальная ассоциация «Банкротный клуб», 2023. С. 22–40.

[2] Там же.

Предисловие И.В. Горбашева[1]

Является ли доктрина источником права? Этот вопрос мучает отечественные академические умы довольно продолжительное время. По нашему скромному мнению, ответ на этот вопрос очевиден: да и еще раз да! Причем подчас не менее важным источником, чем закон или правовые позиции высших инстанций.

Тем не менее мейнстримная точка зрения состоит в обратном. Не вдаваясь во все подробности причин такого грубопозитивистского заблуждения, отмечу лишь, что на мой вкус у такого взгляда действительно есть и объективные предпосылки, заключающиеся в качестве самой отечественной «доктрины». Те несметные объемы бумажной макулатуры очень часто просто не годны для того, чтобы быть источником хоть чего-либо, будь то право, образование или просвещение и т.д. На них просто невозможно опереться, чтобы суду или сторонам найти формулу «добра и справедливости» в конкретной правовой ситуации. Вот и получается, что как бы доктрина есть, а источника нет.

Однако книга, которую вы держите в руках, совсем иного качества...

Я помню, как в 2019 г. при подготовке Обзора по субординации более опытные ученые товарищи привели к нам на рабочую группу Айнура Шайдуллина, восходящую звезду банкротной цивилистики, рекомендовав его как главного специалиста в давно мучившем нас вопросе. Конечно, мы уже тогда были знакомы с рядом его статей, ведь этой темой Айнур занимался еще в магистратуре; но для написания текста проекта более ценным было послушать его вживую, узнать мнение по конкретным пунктам и вопросам, ведь эти рассуждения были основаны на глубоком знании иностранной и отечественной доктрины, а также приправлены высокими аналитическими способностями и критическим восприятием применительно к нашим реалиям.

Мысли, которые озвучивал Айнур, а также формулировки, которые он предлагал, были крайне ценны. Конечно, после такого успешного опыта взаимодействия мы приглашали Айнура и на последующие рабочие группы по банкротству, по поручительству, процессу, субсидиарной ответственности и т.д. И всегда то, что он предлагал, было крайне квалифицированным по содержанию, а по форме — корректным и интеллигентным. Причем могу смело сказать, что многие позиции,

[1] Илья Вадимович Горбашев, к.ю.н.

которые он предлагал закрепить, не вошли в разъяснения не потому, что были плохи, а потому, что в каком-то смысле опередили зрелость нашего правопорядка, понятие о котором включает и средний уровень зрелости правосознания юристов. Поэтому, конечно же, эти позиции еще ждут своего часа.

Возвращаясь к началу, могу определенно сказать, что такие работы, как книга Айнура по субординации, должны легко снимать вопрос о том, является ли настоящая доктрина источником права. Обратившись к этой книге, вы найдете ответы на многие вопросы и объяснения того, почему субординация в России в конечном счете на данном историческом этапе устроена так, а не иначе, сможете взвесить аргументы и рассудить, справедлив ли наш более мягкий подход по сравнению с тотальным немецким, узнать, что субординация — это и не ответственность вовсе, а справедливое распределение риска, являющегося основой получения прибыли при благоприятном финансовом положении корпорации, и многое другое.

Я уверен, что книга может быть использована не только для того, чтобы заглянуть в мотивы прошлых решений, но и для того, чтобы дать основу для формирования будущих правовых позиций, ведь несомненно, что когда есть надежный фундамент, то при помощи хорошо работающего аналитического аппарата легко достраивать все здание до конца. Приятного прочтения!

Отзыв профессора Штефана Мадауса[1] на автореферат диссертации автора (2022 г.)

Уважаемый Айнур Шайдуллин!

Для меня большая честь комментировать Вашу диссертацию, касающуюся исследуемого вопроса, который также хорошо известен в немецкой науке.

Избранная тема является злободневной для правового регулирования банкротства юридических лиц. Это особенно актуально в тех юрисдикциях, в которых использование корпоративной формы и возможности ограничения предпринимательского риска в рамках корпорации являются относительно новыми и при этом имеют значительный горький опыт мошенничества в предпринимательской практике. Концепция субординации требований контролирующих лиц может служить необходимой гарантией, поскольку это главным образом означает, что заем контролирующего лица рассматривается как вклад в капитал и поэтому по нему не распределяется имущество в случае банкротства. Доктринальное понимание и функциональное обоснование правила о субординации важно для того, чтобы определить сферу применения этого правового института. Это понимание является ключевым для поиска предпочтительного толкования соответствующих правовых норм.

Ваше исследование начинается с исследования способов финансирования корпорации: внешнего (заем) и внутреннего (вклад в капитал). В первой главе также рассматривается, почему для контролирующих лиц проще финансировать общество посредством внешнего капитала вместо внутреннего после того, как корпорация была создана: согласование и продление договора займа является более гибким, более удобным и непубличным, чем увеличение размера уставного капитала, которое часто зависит от формальностей, таких как нотариусы и реестры.

---

[1] Профессор, доктор права Штефан Мадаус — ординарный профессор и заведующий кафедрой гражданского процессуального права и права несостоятельности Университета имени Мартина Лютера в Галле-Виттенберге (Германия); президент Международного института несостоятельности (International Insolvency Institute) в 2025–2026 гг.; член правления и один из основателей Conference of European Restructuring and Insolvency Law (CERIL), соредактор Мюнхенского комментария к Положению о несостоятельности, действующему в Германии.

Также справедливо упоминается, что займы контролирующих лиц не являются предосудительными до наступления имущественного кризиса. Можно добавить, что они вполне могут служить ценным источником финансирования реструктуризации после возбуждения дела о банкротстве и согласования плана реструктуризации.

Затрагивая вопрос имущественного кризиса, логично начать с момента наступления недостаточной капитализации корпорации. Это поздний момент стадии имущественного кризиса бизнеса, который часто уже указывает на экзистенциальный кризис. Но безусловно, это ключевое место для того, чтобы начать обсуждение правового режима займов контролирующих лиц. Из переведенного автореферата диссертации я не могу сказать, определяет ли автор займы контролирующих лиц как предосудительные в случае, если обнаруживается материальная или номинальная недостаточная капитализация. В исследовании необходимо определить момент, когда возникновение или погашение займа контролирующего лица становится предосудительным.

Определение контролирующего лица и аффилированного лица хорошо известно немецким ученым. Оно основано на понимании того, что не каждый участник (акционер) заслуживает того, чтобы его требование по займу было субординировано, равно как любое третье лицо, контролирующее общество, может быть приравнено к участнику (акционеру) (прежде всего в интегрированной корпоративной группе, что меньше уже относится к случаям контроля посредством ковенантов по банковским кредитам).

Я также согласен с тем, что концепция субординации требований контролирующих лиц не обязательно означает, что такие требования не могут быть заявлены в процедуре, установлены или служить основанием для предоставления процессуальных прав (голосовать или получать информацию). В диссертации предлагается дифференцированный подход, при котором такие требования могут быть заявлены и проверены (как субординированные), но при этом они не предоставляют права голоса. Это отличается от немецкого подхода, где субординированные требования заявляются только тогда, когда это прямо разрешено судом и когда они могут проголосовать за план в тех редких случаях, когда их требования являются «денежными», несмотря на их субординацию, и, следовательно, участвуют в распределении в соответствии с планом.

Затем исследование переходит к сложной теме определения тех требований участников (акционеров), которые должны быть субординированы. Исследование начинается с обсуждения аргументов и концепций — часто пересекающихся — немецкого и австрийского зако-

нодательства в поддержку субординации. Аргументы против кажутся недостаточно рассмотренными (по крайней мере, в представленном мне резюме). Сравнительный анализ показал бы, что страны, где такая субординация не предусмотрена, особенно в Англии, полагаются на систему привлечения к ответственности участников (акционеров) и директоров за конкретные действия в непосредственной близости до банкротства компании, приветствуя при этом в принципе любую финансовую помощь. Скептический вывод об ограниченном влиянии правила о субординации на поведение участников (акционеров) соответствует такой политике. Субординация — это, скорее, средство достижения справедливости в случае наступления банкротства. Это связано с обсуждением «моделей субординации», в рамках которых хорошо обобщены различные политико-правовые подходы, принятые в законодательстве Австрии, Германии и США. Аргументы в пользу предпочтительности автоматической субординации — немецкого подхода, безусловно, несут в себе выводы, предложенные далее в автореферате диссертации.

При рассмотрении определения «займа» в автореферате автор чутко реагирует на практические идеи по обходу концепции субординации и утверждает, что он должен включать все типы соглашений (и действий?), которые составляют финансирование корпорации. Они, разумеется, включают в себя действия по предоставлению обеспечения по долгам третьих лиц. Эта концепция хорошо известна и проверена в Германии.

Вопросы времени (периода подозрительности) приобретения права требования неоднозначны. Принципиальная мысль, безусловно, правильна. Решение о предоставлении финансирования вызывает сомнения только тогда, когда оно принимается в ситуации недостаточной капитализации корпорации. Требование остается порочным при последующей процедуре банкротства, даже если оно будет уступлено. В силу того что на практике это отнимает некоторое время, введение конкретного периода подозрительности является спорным, но практичным. Финансирование, предоставляемое в процедуре банкротства, хорошо контролируется, публично, полезно и, следовательно, подлежит защите.

В исследовании предлагается расширить негативные последствия субординированного требования за пределы одного лишь неучастия в разделе *pari passu* конкурсной массы. Зачет против конкурсной массы запрещен (вообще или только в отношении требований конкурсной массы о возмещении вреда в интересах всех кредиторов?), а получен-

ные платежи и высвобожденное обеспечение по субординированным требованиям можно оспорить.

Наконец, что важно, в диссертации формулируются соответствующие исключения из правила о субординации. Это важно для защиты опций по реструктуризации. В большинстве случаев банкротства малого бизнеса инсайдеры (контролирующие лица и аффилированные лица) являются единственными инвесторами, которые готовы прилагать усилия по реструктуризации. Поэтому необходимо, чтобы займы, предоставляемые в соответствии с планом или соглашением о реструктуризации, не обескураживались субординацией в случае неудачи реструктуризации. Это исключение, конечно, обусловлено тем фактом, что необходимое большинство кредиторов поддерживает план и что план обеспечивает лучший результат для кредиторов, голосовавших против плана. Эти аспекты кажутся идеально отраженными в диссертации.

В целом я могу только поздравить Вас и Вашего научного руководителя с этим очень глубоким и хорошо проведенным исследованием. В нем содержатся ценные и взвешенные предложения, которые заслуживают того, чтобы быть ориентиром для дальнейшего толкования и разъяснения российского законодательства.

Искренне Ваш,
Штефан Мадаус

Предисловие О.Р. Зайцева[1]

Я очень рад, что Айнур Ильшатович написал эту книгу. У нас в стране вообще очень мало публикуется хороших книг по банкротному праву, и потому каждая из них — на вес золота. Почему я считаю, что эта книга хорошая? Путь ее автора к ней — это потрясающе красивая и поучительная история того, как практика отчаянно нуждается в хорошей теории. К сожалению, десятилетиями позитивное российское банкротное право почти не обсуждало вопрос о субординации займов акционеров. Закон ничего в лоб не говорил об этом (хотя ряд его положений мог наводить на мысль об этом, но, увы, почти никого не наводил), в судах почти никто не пытался ставить вопрос — и все это потому, что не было никакой книги, в которой это было бы объяснено. Современное российское молодое банкротное право в принципе стартовало в 90-е с нуля, но если все-таки кое про что отечественный читатель мог прочитать и понять, как ему применять новые законы (можно упомянуть, например, прекрасный учебник Шершеневича по конкурсному процессу[2] или пресловутую работу Гольмстена про оспаривание совершенных во вред кредиторам сделок), то вот про субординацию займов акционеров читать, увы, было по-русски нечего (а не по-русски большинство российских практикующих юристов, увы, не читают). Это яркий пример того, как советский период, в котором банкротное право было искусственно удалено, привел к отставанию нашего права, ведь субординация займов акционеров стала развиваться в западных странах в первой половине XX века, когда в нашей стране, увы, не было уже ни акционеров, ни займов, ни вообще банкротного права.

Это привело к парадоксальному результату: в стране, считающей свое банкротное право жестко прокредиторским, эта жесткость на практике нередко преодолевалась тем, что акционеры должника управляли процедурой банкротства через принадлежащие им требования по займам должника. Терпеть это бесконечно кредиторы, особенно такие, как налоговый орган, не могли, но долгое время они не знали,

---

[1] Олег Романович Зайцев, к.ю.н., доцент Российской школы частного права, председатель Банкротного Клуба.

[2] *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсный процесс. 3-е изд. М.: Статут, 2021. URL: https://bankruptcyclub.ru/2023/08/28/конкурсный-процесс-г-ф-шершеневич-2021/ (дата обращения: 10.09.2026).

как право может им помочь. И вот тут появляются публикации выпускника Российской школы частного права Айнура Ильшатовича Шайдуллина, который на основе своей магистерской диссертации убедительно с опорой на иностранное право объясняет, что из самой конструкции корпорации с ограниченной ответственностью вытекает необходимость субординации займов акционеров по отношению к требованиям внешних (независимых) кредиторов; затем он защищает на эту тему полноценную кандидатскую диссертацию[1]. Профессиональные кредиторы быстро берут эту идею на вооружение и несут ее в суды, которым эта идея приходится по душе, поскольку дает теоретически обоснованный ответ на давно волновавшие практиков вопросы. В итоге Верховный Суд сначала в конкретных делах, затем в Обзоре, а теперь и в постановлении Пленума закрепляет вытекающую из нашего закона о банкротстве идею субординации займов акционеров, при этом Айнур Ильшатович, как ведущий специалист в этом вопросе, активно участвует в подготовке обоих этих документов.

В итоге сегодня уже невозможно представить российское банкротное право без субординации займов акционеров. Более того, в силу системности права восстановление одной из спящих (неработавших) его частей привело к тому, что заработала и другая такая часть — судебное преодоление (так называемый *cramdown*, утверждение судом реабилитационного плана в отсутствие согласия кредиторов), поскольку лишение акционеров права влиять на процедуру банкротства через свои требования по займам не значит, что они вообще не должны иметь возможности на нее влиять.

Еще один важный аспект этой книги — то, что она хорошо показывает, что банкротное право — это не какая-то особая изолированная структура, а нормальная и важная часть единой системы частного права, вне которой понять и применять банкротное право невозможно. Это связано с тем, что изучаемый автором вопрос об очередности обязательственных по форме требований акционеров при банкротстве является частным случаем общего вопроса о том, насколько юридическое лицо отделено от своих участников, — и в этом частном случае автор обоснованно приходит к выводу о том, что банкротное право

[1] *Шайдуллин А.И.* Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ: дис. ... к.ю.н. М., 2022. URL: https://bankruptcyclub.ru/2022/09/30/dissertation-shaydullin/ (дата обращения: 10.09.2026).

На эту диссертацию я от имени Банкротного Клуба подготовил подробный отзыв: https://bankruptcyclub.ru/2022/09/30/feedback-dissertation/ (дата обращения: 10.09.2026).

не может игнорировать имеющуюся между участниками и организацией связь и рассматривать участников как полностью отдельных лиц (как это происходит с внешними кредиторами). Не случайно, что Айнур Ильшатович, помимо банкротного права, занимается и корпоративным правом (которое, кстати сказать, точно так же нельзя понять в отрыве от системы частного права).

Несмотря на ряд более ранних публикаций Айнура Ильшатовича на эту тему, в т.ч. его комментарий к Обзору по субординации, написанный совместно с Рустемом Тимуровичем Мифтахутдиновым[1], новая книга крайне важна потому, что судебная практика применения субординации очень обильна и динамична, и потому очень важно, что родившая ее научная мысль продолжала помогать систематизировать и осмыслять то, что происходит с рожденной ею конструкцией. Это, кстати, общая проблема нашего банкротного права, которое весьма активно применяется судами, но масштабы судебной практики, включая практику Верховного Суда, стали уже такими гигантскими, что без их теоретического осмысления и систематизации применять все это очень трудно. Поэтому нам нужны такие книги, как эта новая книга Айнура Ильшатовича, и по другим вопросам. Буду рад, если его пример вдохновит других исследователей, особенно в области тех вопросов, которые также пока спят в нашем банкротном праве, например защита в процедурах банкротства важных и выгодных для них контрактов или викарные иски кредиторов.

[1] *Шайдуллин А.И., Мифтахутдинов Р.Т.* Указ. соч.

Предисловие автора

Может ли участник (акционер), финансировавший свое хозяйственное общество займами, при его банкротстве встать в очередь наравне с иными независимыми кредиторами? Сегодня любой образованный юрист сможет ответить на этот вопрос. Между тем всего лишь десять лет назад такой вопрос практически не обсуждался.

Проблематикой субординации — понижением в очередности обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц[1] — я занимаюсь с момента поступления в Российскую школу частного права (РШЧП) в 2016 г. Ей была посвящена моя магистерская диссертация[2]. Практики субординации тогда почти не существовало, а та немногая, что имелась, скорее отрицала саму ее возможность[3]. Особенно после того, как в 2015 г. в деле общества «Агентство Норильск Авиа Сервис»[4] ВС РФ прямо указал, что понижение в очередности требований участников из заемных отношений законом не предусмотрено. В старом деле общества «Новосибирский хладокомбинат»[5] в 2010 г. Президиум ВАС РФ, строго говоря, не вводил никакой субординации, а всего лишь отказал во включении требования акционера по поручительству в реестр через квалификацию сделки как ничтожной ввиду злоупотребления правом. Иными словами,

---

[1] Мы используем термин «контролирующее лицо», подразумевая под ним, если прямо не указано иное, также аффилированное лицо, действующее под влиянием общего с должником контролирующего лица.

[2] См.: *Шайдуллин А. И.* Правовой режим займов участников юридического лица при банкротстве: магистерская дис. / Российская школа частного права. М., 2018. URL: https://www.privlaw.ru/rshchp/graduates/?city=msc&year=2018 (дата обращения: 10.09.2026).

[3] Мой пост об этом: *Шайдуллин А.* Есть ли шанс на overruling позиции Верховного Суда РФ? // Zakon.ru. 5 авг. 2016. URL: https://zakon.ru/blog/2016/08/05/est_li_shans_na_overruling_pozicii_verhovnogo_suda_rf (дата обращения: 10.09.2026).

[4] См.: определение СКЭС Верховного Суда РФ от 06.08.2015 № 302-ЭС15-3973 по делу № А33-16866/2013. Здесь и далее все НПА и судебная практика приводятся по СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[5] См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № 10254/10. Важный комментарий к этому делу был написан А.В. Егоровым. См.: *Егоров А. В.* Комментарий к делу «ОАО “Банк Москвы” в деле о банкротстве ОАО “Новосибирский хладокомбинат” против гражданина Косых А.В. о признании ничтожным договора поручительства» // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2010 год с комментариями / под ред. А.А. Иванова. М.: Статут, 2015. С. 143–149.

эта область была, как мне казалось, непаханым полем, но было ощущение, что эту тему необходимо развивать. Мы много обсуждали ее в школе с А.В. Егоровым, а после завершения учебы я использовал все возможности для того, чтобы учение о субординации пробило себе дорогу и рассмотрение дел о банкротстве стало более справедливым. Так эта тема стала делом без малого десяти лет моей научной и практической деятельности, а его итогом стала книга, которую читатель держит в руках. В ее основе лежит моя кандидатская диссертация, переработанная с учетом новой судебной практики и изменений в законодательстве и выросшая, в свою очередь, из той самой магистерской работы, защищенной в РШЧП.

Почему же вопрос, которому эта книга посвящена, — вопрос о правовом режиме обязательственных требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц при банкротстве — находился в таком состоянии еще десять лет назад? Думается, это связано с общим отставанием банкротного права, обусловленным влиянием плановой экономики советского периода на его развитие. Банкротству в плановой экономике нет места, и потому XX век с его бурным развитием банкротного права в странах с рыночной экономикой прошел для нашей страны незамеченным.

Впрочем, и сам этот вопрос относительно молод и за пределами России. Бóльшую часть своей истории банкротное право занималось банкротством граждан, и лишь после того, как в XIX веке прижилась конструкция корпорации с ограниченной ответственностью[1], юриспруденции пришлось решать вопрос о том, что же делать с требованиями ее собственников при банкротстве. За рубежом это обсуждение началось только в конце 1930-х годов, поэтому и российское дореволюционное право не успело дойти до обсуждения этого вопроса. Затем банкротство на семь десятилетий было предано практически полному забвению. Поэтому в постсоветский период банкротное право пришлось отстраивать заново.

Неудивительно и то, что ни один из трех российских законов о банкротстве не содержал прямого и полноценного регулирования судьбы обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц. Тем не менее зацепки в них были с самого начала. Уже п. 2 ст. 30 Закона РФ от 19.11.1992 № 3929-I «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» ставил требования

[1] Об истории появления такой конструкции см.: *Медведев А.Ю.* История доктрины корпорации в английском праве (XVIII — середина XX в.): дис. ... к.ю.н. М., 2014.

собственников предприятия в очереди ниже требований конкурсных кредиторов. Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» закрепил правило, дожившее до наших дней: конкурсные кредиторы — это кредиторы по денежным обязательствам, за исключением учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия. Сегодня то же законоположение содержится в абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве. Телеологическое толкование этих норм вполне могло стать опорой для практики субординации[1].

Однако на это практика долго не решалась. Суды поначалу относились к идее субординации крайне настороженно, а абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве толковался узко, охватывая лишь корпоративные по своей форме требования о выплате дивидендов, действительной стоимости доли и т.п. При этом без исследований судебной практике бывает трудно найти опору.

Здесь уместно упомянуть наблюдение профессора Штефана Мадауса (Галле-Виттенбергский университет), любезно написавшего отзыв на автореферат моей диссертации, положенной в основу этой книги, что концепция субординации особенно востребована именно в тех правопорядках, где сама конструкция корпорации с ограничением ответственности относительно нова и сопряжена с немалым горьким опытом злоупотреблений на практике. Это очень точное замечание, поскольку именно многочисленные злоупотребления на практике все-таки склонили российскую судебную практику к тому, чтобы начать понемногу ее развивать.

Эта книга не претендует на открытие или принципиальную новизну: право рождается в обществе и для общества, в процессе дискуссии и диалога, в том числе международного. Правовая наука — это поиск общих закономерностей, на которых строится честное сосуществование людей. Недаром сходные казусы очень часто одинаково решаются в разных правопорядках, а значит, право не сводится к произволу.

[1] Вот как, например, комментировал аналогичные нормы Закона № 6-ФЗ один из его разработчиков проф. В.В. Витрянский: «Обязательства перед учредителями (участниками) должника — юридического лица, вытекающие из такого участия (например, обязанности по выплате дивидендов акционерам), носят внутренний характер и не могут конкурировать с т.н. внешними обязательствами, т.е. с обязательствами должника как участника имущественного оборота перед иными участниками имущественного оборота» (Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: постатейный комментарий / под общ. ред. В.В. Витрянского. М., 1998. С. 44 (комментарий к ст. 4)). Аналогичную позицию этот автор высказывает, комментируя и Закон о банкротстве (Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В.В. Витрянского. М., 2003 (комментарий к ст. 4)).

Различия же в решениях закономерности не уничтожают — их можно и нужно системно описывать и объяснять. Мы обращаемся к зарубежным правопорядкам не за готовыми ответами, а для того, чтобы понять общие закономерности, и такой поиск невозможен в закрытом контуре собственного правопорядка.

Очень часто можно услышать тезис, что право не наука, ведь могут принять какой угодно закон, вынести какое угодно решение. Дескать, в чем же здесь наука? Вот физика наука: там, как ни крути, яблоко упадет на землю. Отчасти это действительно так. Но если правовое решение не основано на грамотном взвешивании интересов сторон правоотношений и попытке найти определенную закономерность, оно, как правило, не обеспечивает справедливого исхода, а значит, в правопорядке создается точка напряжения. Это непременно будет иметь свои негативные последствия. И рано или поздно справедливое правовое решение пробьет себе дорогу.

Именно поэтому в книге широко используется зарубежный опыт, и вовсе не для того, чтобы его копировать. Когда дискуссия о судьбе обязательственных требований контролирующих лиц ведется за рубежом с 1930-х годов, не учитывать ее невозможно. Причем кое в чем российская практика, например, зарубежную даже опередила или как минимум уже не отставала от нее. Например, свой «тройной тест» приравнивания к участнику третьего лица, вовлеченного в управление должником (совокупная оценка участия кредитора в прибыли общества, наличия у него прав, аналогичных правам участника, и его участия в управлении делами общества), ВС Германии впервые сформулировал в развернутом виде (до этого были лишь отдельные элементы) в июне 2020 г.[1], тогда как ВС РФ сделал это еще в январе — в п. 11 Обзора от 29.01.2020. Этот Обзор действительно стал важнейшей вехой развития института, поскольку именно он впервые закрепил настоящую (истинную) субординацию, а Постановление Пленума ВС РФ от 23.12.2025 № 41 (далее — Постановление № 41) восприняло и развило его позиции уже на уровне обязательных разъяснений высшей судебной инстанции.

Оглядываясь назад, можно сказать, что за эти годы банкротное право в этой области серьезно продвинулось вперед. Субординация из вопроса, которого на практике почти не существовало, превратилась в большую категорию споров, с которой сегодня умеют работать и суды, и практикующие юристы.

[1] См.: BGH, Urteil vom 25.06.2020 — IX ZR 243/18.

***

Многие идеи этой книги рождались в спорах и обсуждениях, за что я благодарен научному руководителю по диссертации Р.Т. Мифтахутдинову, а также А.В. Егорову, И.В. Разумову, И.А. Букиной, О.Ю. Шилохвосту, И.В. Горбашеву, О.Р. Зайцеву, А.А. Кузнецову и многим другим (всех перечислить не смогу — прошу меня простить). Отдельно хочу поблагодарить тех, кто помогал мне в издании книги и на моем профессиональном пути, — Е.А. Борисенко, А.В. Егорова, А.Г. Карапетова и Л.Ю. Михееву. Я очень благодарен Российской школе частного права и всему преподавательскому составу: без обучения там эта книга не стала бы возможной. Отдельное спасибо моим однокурсникам по РШЧП за бесконечные дискуссии в коридорах, благодаря которым я тоже стал в чем-то лучше разбираться. Наконец, спасибо моей семье, без которой я также не смог бы прийти к написанию этой книги.